

Марина Крамер

Ледяная ночь

*Часть сборника
Новогодний детектив (сборник)*

Марина Крамер

Ледяная ночь

«ЭКСМО»

2009

Крамер М.

Ледяная ночь / М. Крамер — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-38489-1

«Книга. Казалось бы – ну, что такого может быть в пачке скрепленных вместе листков в черно-белой обложке? Негатив-позитив... Кто есть кто – не разберешь даже, а сколько проблем, сколько грязи, сколько трупов. И опять, опять эта чертова страна, из которой я выдирался с кровью столько лет!..»

ISBN 978-5-699-38489-1

© Крамер М., 2009

© Эксмо, 2009

Марина Крамер

Ледяная ночь

«Книга. Казалось бы – ну, что такого может быть в пачке скрепленных вместе листов в черно-белой обложке? Негатив-позитив... Кто есть кто – не разберешь даже, а сколько проблем, сколько грязи, сколько трупов. И опять, опять эта чертова страна, из которой я выдирался с кровью столько лет!»

Черноволосый мужчина в дорогом костюме и черной рубашке с раздражением бросил на откинутый столик книгу и закрыл глаза, удобнее устроившись в самолетном кресле. Сидевший впереди него помощник осторожно выглянул из-за высокой спинки, убедился, что шеф задремал, и двумя пальцами забрал так раздражавшую того книгу. С виду обычная детективная мура – а вот поди ж ты, натворила дел.

– Черт бы тебя побрал, ну почему именно в мое дежурство?

Максим Нестеров, высоченный тридцативосьмилетний врач-травматолог больницы «Скорой помощи», спускался по лестнице в приемное отделение. Пять минут назад он получил вызов – «Скорая» привезла кого-то из ДТП, «дорожки», как здесь это называли. Дежурство тридцать первого декабря само по себе не подарок, а уж операция в такой день – и вовсе. Но Нестерова дома никто не ждал – жена Светлана вот уже два года как перешла в разряд «бывшей» и уехала в столицу, прихватив с собой трехлетнего сына Тимофея. Красавец и умница Нестеров был завидным женихом, однако всех потенциальных больничных невест держал на расстоянии вытянутой руки, боясь снова обжечься, как со Светкой.

– Максим Дмитриевич, в женский пропускник идите! – крикнула регистратор, и Нестеров, вздохнув, повернул налево.

На каталке лежала молодая рыжеволосая женщина. Обе ноги плотно упакованы в проволочные шины от бедер до стоп, прямо поверх узких темно-синих джинсов. Рядом на полу валялись высокие лаковые сапоги-ботфорты на низком каблучке, там же – короткая белая норковая курточка с капюшоном, вся в буро-коричневых пятнах. Голову пострадавшей украшала повязка, уже пропитавшаяся на лбу кровью. Веки плотно сомкнуты, аккуратный носик вымазан кровью, над правой бровью длинная ссадина.

– Сознания нет, пульс шестьдесят, давление сто на семьдесят. Закрытая черепно-мозговая травма, множественные переломы нижних конечностей, – забубнил рядом фельдшер со «Скорой». – Введено... – Но Нестеров уже не слушал, отдавал распоряжения сестре и двум санитарочкам.

Переломы оказались сложными, больше трех часов он буквально по осколкам собирал голени женщины и совершенно забыл о том, что праздник, что Новый год...

После обеда Нестеров сидел в ординаторской и курил, задумчиво глядя на экран телевизора, где уже вовсю пили шампанское и поздравляли друг друга известные юмористы. Максиму было не до смеха. Женщина, которую он оперировал, была ему хорошо знакома...

– Максим Дмитриевич, можно, я сумочку пострадавшей в сейф к вам уберу? А то там ценностей много, а впереди десять дней праздников, – в дверях показалась кудрявая головка медсестры Арины.

– Что? – очнулся от своих мыслей Нестеров. – Сумочку? Да, конечно, давай, я сам уберу.

Арина плюхнула на стол перед травматологом не изящную дамскую сумочку, как следовало из ее вопроса, а скорее подобие рюкзака с логотипом «Prada». Ушла.

«Да уж... Машка всегда любила такие сумки», – печально улыбнулся Максим, машинально заглядывая внутрь. Так и есть – здесь нельзя было найти разве что пару малышей, а так все – от кошелька до небольшой фляжки в кожаной оплетке.

– Ты смотри-ка... Мария пить не бросила, похоже. Неужели пьяная за руль уселась? – отвинтив крышку и учуяв запах коньяка, вслух пробормотал Нестеров и набрал номер лаборатории.

Однако пациентка оказалась трезвой, и Нестерову почему-то стало легче. Много лет назад он безумно любил эту женщину, любил так, что готов был на любые глупости, но потерял. Максим до сих пор чувствовал свою вину за произошедшее. Вздохнув, он начал застегивать сумку, чтобы убрать в сейф, и тут его внимание привлек потрепанный блокнот в светло-бежевой обложке. Повинуясь внезапному порыву, Нестеров вытащил блокнот и наугад раскрыл его. Клетчатые листки исписаны крупным, неровным почерком – она всегда писала небрежно, но понятно. Максим опустил на диван и погрузился в чтение.

«Каждое утро вместо зарядки я вскидываю вверх средний палец. Да, вот такая странная привычка образовалась совсем недавно. Я думаю о том, что происходит сейчас в моей жизни, и злорадно ухмыляюсь, демонстрируя неприличный жест в пространство. Я всех сделала. Всех сделала-ла. И горжусь этим, хотя, наверное, не стоило бы. Я знаю, что там, наверху, никого нет, но этот победный жест дает мне иллюзию диалога. Я смогла, снова смогла – и от этого чувствую вырастающие за спиной крылья.

Мне очень трудно быть мной – меня слишком много, разной, так непохожей одна на другую. Но и выбрать какой-то один образ я уже тоже не могу. Некоторые вещи в жизни происходят как раз из-за вот этого многообразия. Человек видит меня с одной стороны, а потом – бац! – и получите совершенно другое. Очень маленькому числу людей удается поймать меня внутренне обнаженной, открытой и готовой на все. Я редко демонстрирую эту грань своей натуры – потому что знаю, как бывает больно, когда в распахнутую сердцевину вгоняют раскаленную иголку. Причинять себе боль с некоторых пор стало неинтересно, более того – невыносимо. Поэтому я предпочитаю не раскрываться. А попробуй загони иголку в твердый панцирь – ага, не вышло? Ну вот так-то.

Бывают моменты, когда мне очень сложно не «включать мэрика», как называют это те, кто знает меня достаточно близко. Мэрик – это такой зверек, типа маленькой собачки. Он с виду такой весь испуганный, трясущийся и таращащий глаза из-под хозяйской руки, но попробуйте прикоснуться к нему пальцем – и укус с выбросом яда гарантирован, ибо мэрики не выносят, когда их трогают против их желания.

Я – мэрик. Мэрик, искушавший добрую половину своих знакомых. Правда, некоторым из них мой яд слаще любых десертов, но меня это мало волнует. Укушенный перестает меня интересовать, потому что я знаю – все, он уже никогда не будет прежним. Измененные люди меня не забавляют – их просто нет.

Иногда мэрики влюбляются. О, это они делают с силой, выключая мозг и отдаваясь всем существом объекту любви. Хорошо, когда объект понимает и отвечает взаимностью. Если же по какой-то причине этого не происходит... Мэрики сперва забиваются в темный угол, скулят пару дней, стонут и зализывают ранки, а потом расправляют спину и выжидают момент. Следующий за этим укус смертелен – отравленный ядом человек понимает, что вот этого самого мэрика он ждал всю свою жизнь, но поздно. Мэрик, укусив и отомстив, гордо удалился в свою темную норку. И уже ничем его оттуда не выманить, не вымолить прощения, не заставить вернуться.

Иногда мэриков убивают. Нет, не физически, хотя мэрики смертны, как все живое. Самое страшное для мэрика – недоверие и обман. Мэрики могут жить в одиночестве, но когда им не верят, они умирают. Все просто. В любви мэрики не врут, они держат свои обещания, которые не раздают налево и направо, но когда им не верят или обманывают – мэрики ложатся в свою норку, закрывают лапками лицо и медленно, мучительно медленно умирают.

Я – такой мэрик. Вот уже какое-то время я страшно, просто нереально влюблена. Такое нехарактерно для меня – но лучше этого ничего не могу вспомнить за все годы своей жизни. До этого у меня тоже была любовь. Почти любовь. И случилось именно то, от чего умирают маленькие зверьки мэрики. Мне не поверили. Я пыталась оправдаться и рассказать, как было, – но нет, тот человек не пожелал слушать. Я уползла было в норку умирать – но тут появилась моя любовь. Именно она вытащила меня из темного угла, поменяла мне окраску, дала смысл жизни, перетряхнула все в голове и разложила по полочкам, подарив мне новую жизнь и новую цель. Именно из-за этой моей любви я теперь выполняю странную утреннюю процедуру с вызовом к небесам. Потому что я смогла, почти совсем смогла. Осталось чуть-чуть – но и это я преодолею, потому что мало кто знает, насколько мэрики тверды и прочны внутри. Этого нельзя заподозрить по внешности, нельзя понять по взгляду, но стоит только столкнуться интересами – и мэрик вас ломает, растерзает морально и физически, покроем тело и душу незаживающими ранами.

Я знаю, о чем говорю, – на небольшой веревочке, висящей в самом углу моей норки, полно завязанных узелков. Это – трупы. Да, трупы тех, кого я успела искушать в этой жизни, своего рода иконостас... Всякий раз, завязывая новый узелок, я испытываю легкое злорадство. И только последний дался мне с трудом. Я так и не затянула его до конца, потому что... Потому что... Как только я пойму, что пришло время и уже невозможно ничего изменить, вот тогда я затяну его намертво и попрощаюсь. Пока не могу. У мэриков тоже есть душа, которая болит ночами».

– Максим Дмитриевич, зайдите в послеоперационную палату, там у пациентки давление подскочило, – оторвал его от чтения голос Арины, и Нестеров, вырванный из очаровавшего его мира, недовольно поморщился.

Он убрал блокнот под историю болезни и поспешил в дальний конец коридора, туда, где у поста дежурной медсестры находилась послеоперационная палата.

Мария лежала у окна. Глаза по-прежнему плотно закрыты, лицо бледное, бледность еще усиливала повязка и марлевая заклейка на бровях. Давление на самом деле поднялось, Нестеров сам открыл шкафчик и достал пару ампул и шприц.

– Ариша, вы почаще заходите, не нравится мне, что давление такое высокое, – бросил он сестре, и та закивала:

– Конечно, Максим Дмитриевич. Когда от наркоза проснется – вам позвонить?

– Да, обязательно.

Он снова ушел в ординаторскую, сделал запись в истории болезни и взялся за блокнот.

«Я люблю музыку. Не всю, конечно, не всякую – вполне определенную. Бальную – ту, под которую жила и работала с семи лет. От этого у меня по спине бегут мурашки. Я больше не танцую. Но слушать музыку я запретить себе не могу, как запретила прикасаться к валяющимся в шкафу танцевальным туфлям со стоптанными накаблучниками. Моя страсть к танцу стерлась точно так же, как эти кусочки пластика. Есть вещи, которые перерастают – и все, уже никакая сила в мире не заставит тебя вновь вернуться к ним. Я больше не танцую. Все. Точка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.